

Н. А. Непомнящих
Новосибирск, Россия

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР Л. ЛЕОНОВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВВОДНОГО ЭПИЗОДА
(ЯКИМОВА Л. П. ВВОДНЫЙ ЭПИЗОД КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЭТИКИ
ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА. – НОВОСИБИРСК, 2012)**

Аннотация. В рецензии проанализирована новая монография Л. П. Якимовой «Вводный эпизод как структурный элемент поэтики Леонида Леонова». Исследователем выявлены притчи внутри произведений Леонова разных жанров: повестей «Конец маленького человека», «Взятие Великошумска», пьесы «Унтиловск», романов «Вор». «Русский лес», «Пирамида». Л. П. Якимова считает их важнейшими знаками выражения авторской позиции в тексте.

Ключевые слова: русская литература XX века, творчество Л. М. Леонова, жанр притчи, вводный эпизод.

N. A. Nepomniashih
Novosibirsk, Russia

**L. LEONOV'S ART WORLD IN INTRODUCTORY EPISODE
DICTIONARY OF RUSSIAN DIALECT PHRASEOLOGY
(YAKIMOVA L. P. INTRODUCTORY EPISODE AS STRUCTURE ELEMENT OF LEONOV'S POETIC. –
NOVOSIBIRSK, 2012)**

Abstract. The review discusses L. P. Yakimova's new monograph "A Story Within a Story As a Structural Unit of Leonid Leonov's Poetics". The researcher reveals parables within Leonov's works of different genres. These works are the stories "The Small Man's End" and "The Storm of Velikoshumsk", the play "Untilovsk", the novels "The Thief", "The Russian Forest", "The Pyramid". L. P. Yakimova thinks that these parables are the most significant signs of expression of the author's attitude in the text.

Keywords: Russian Literature of XX century, L. M. Leonov's works, the genre of the parable, a story within a story.

Новая книга Л. П. Якимовой с труднопроизносимым на первый взгляд названием «Вводный эпизод как структурный элемент поэтики Леонида Леонова» (2012) является третьей книгой, написанной исследовательницей о творчестве Л. М. Леонова. В первой монографии «Мотивная структура романа Л. М. Леонова «Пирамида» (2003) она предложила прочесть произведения писателя «рекурсивно», взглянув на предшествующее творчество как логически предвещающее и закономерно приводящее к последнему философскому роману, проследив «сквозные» мотивы и образы. Вторая ее книга «Повести Леонида Леонова о революции и гражданской войне как жанрово-тематический и семантико-поэтический цикл» (2007) стала последовательным шагом на пути нового прочтения леоновского творчества: к каждой повести был обнаружен свой особый ключик, открывающий через подтекст ее скрытый план. Проанализировав каждую повесть, Л. П. Якимова показала, каким образом в художественной ткани проявилось сомнение писателя в необходимости глобального социального экспериментаторства, а также, каким образом мысли о революции как о катастрофической «смуте», «перекувырке», высказанные в ранних повестях, отзываются в итоговом произведении Леонова, последнем романе «Пирамида». Исследовательское прочтение художественных текстов базируется на новом понимании основополагающих принципов леоновской поэтики, когда становится принципиально важным учитывать категории подтекста, интертекстуальности, мифологизма. Событие совершающегося размышления в произведениях писателя не менее важно, чем то или иное событие действия. Одной из особенностей произведений Леонова является

их внутренний, скрытый сюжет. Он развивается параллельно событийному, имеет идеологическое значение для всего произведения в целом. Сам писатель называл такой принцип построения «второй композицией». Для ее создания Леоновым используются самые разнообразные образы культуры.

Это одна из важнейших доминант поэтики Леонова в целом. Не секрет, что писатель Леонов – сложный, произведения его – не для быстрого чтения на ходу. Писатель неоднократно подчеркивал, что литература есть «мышление в образах», что писатель он сложный и трудный, и не был доволен прочтением его произведений современной критикой. Сложность текстов Леонова диктуется в первую очередь его творческим методом. Суть его состоит в «повышении образной емкости», в «нелегком овладении всем, что наработало человечество в области культуры за тысячелетия...»¹ На сегодняшний день, во многом благодаря работам Л. П. Якимовой, выявлено несколько механизмов распознавания внутреннего сюжета в произведениях писателя. Во-первых, через прочтение аллюзий к мифу или явлениям культуры (живописи, музыки, литературы). Во-вторых, выявление подтекста, возникающего в результате интертекстуального взаимодействия. В-третьих, зачастую ключом к внутреннему сюжету является вводный рассказ или эпизод, своеобразный «концентрат» философского смысла произведения и авторской позиции. Именно этим притчам («вводным эпизодам») и посвящена последняя книга Л. П. Якимовой.

¹ Леонов Л. М. Талант и труд // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. – М., 1982. С. 358.

Несмотря на довольно сложное название, в книге понятно и увлекательно рассказывается о притчах, которыми буквально испещрены тексты произведений Л. М. Леонова. Эти притчи Л. П. Якимова, отталкиваясь от литературоведческой традиции, называет вводными эпизодами и последовательно прослеживает таковые на протяжении всего леоновского творчества. Оказывается, в каждом произведении писателя, невзирая на жанровую принадлежность, есть вставные эпизоды (иначе – вставные фрагменты). Читателю Леонова в первую очередь вспомнятся «Притча о Калафате» и другие вставные рассказы в романе «Барсуки». Но не только они становятся предметом анализа Л. П. Якимовой. Она обнаруживает множество других вставных историй, напрямую никак не мотивированных сюжетом, но особо важных для понимания художественного замысла в целом. Исследователь называет их «НЛЮ – неопознанные литературные объекты».

Само определение и выявление в леоновских текстах подобных НЛЮ, различных вставных конструкций, уже является и новым исследовательским ходом, и результативным исследованием. Удивительно, но раньше никто всерьез не задумывался о столь важном и частотном элементе композиции леоновских произведений. Их просто не видели, за исключением романа «Барсуки», где притчи оформлены как отдельные рассказы персонажей ночью у костра. Но и здесь обнаруживается абсолютно алогичная каверза: из четырех вставных историй в романе «Барсуки» лишь две регулярно попадали в сферу научного интереса исследователей, остальные как будто и не существовало. Л. П. Якимова восстанавливает справедливость, т.е. равновесие, и последовательно анализирует каждый такой эпизод в соотношении с художественными задачами писателя. Кроме того она прослеживает эволюцию «вставного жанра» у Леонова, тяготеющего прежде всего к жанру притчи; определяет его наджанровую сущность – в текстах Леонова он присутствует независимо от жанровой природы произведения, обнаруживая себя и в повестях («Конец мелкого человека», «Взятие Великошумска»), и в пьесе («Унтиловск»), и в романах («Вор», «Русский лес», «Пирамида»).

Как убедительно показывает Л. П. Якимова, игнорирование притчевых по своему содержанию фрагментов грозит утратой полноты смыслов, обедняет понимание идейной стороны как отдельных произведений, так и в целом авторской позиции и – главное, принципов его поэтики и эстетики. Конечно, и ранее леоновские произведения анализировались прежде всего как философские, интеллектуальные и потому считались непростыми для понимания. Л. П. Якимова сумела общее ощущение превратить в осязаемое видение той самой доминанты, которая превращает любое произведение Леонова в больше чем просто рассказ о событиях и героях, более того – вовсе иногда в «не-рассказ». Из этого следует, что подходить к леоновским произведениям, игнорируя столь принципиально важный конструктивный и смысловой элемент как вставные эпизоды, – значит их «недопонимать», что, к сожалению, случается нередко. Особенно интересной в

этом плане представляется глава, посвященная роману «Русский лес». Сколько копий уже сломано по поводу этого романа, все современные критики считают чуть ли не хорошим тоном упрекнуть роман в соцреализме, назвать крайне неудачным и т.п. Л. П. Якимова пишет о том, что изображение советского времени, характерных и типических героев эпохи, идей и умонастроения и поэтика соцреализма – вещи абсолютно разные. Если не видеть модальности повествования, если не улавливать в ней авторский скепсис и иронию, легко принять высказывания героев за авторские убеждения. К сожалению, это характерно не только в отношении романа «Русский лес»: писателю любят произвольно приписывать позицию или даже отдельные слова отдельных героев. Хотя он – творец этого мира занимает в ней вершинную, обзорную позицию и свое слово скорее говорит в притчевой форме вставных конструкций. Порой их не замечают за обилием героев, событий, сюжетных линий. А ведь они намеренно тормозят развитие романских событий, заставляя сделать остановку в пути для размышлений, но их обычно «проглатывают», не придавая им особого значения, не видя их, что называется «в упор».

Анализ романа «Русский лес», произведенный Л. П. Якимовой, отталкивается от *текста*, от того, как он написан, исследователь не ограничивается описанием и рассуждением по поводу того, что описано в романе, она показывает, как и зачем вводятся те или иные элементы. Даже простое словечко «кажется» на первой странице «Русского леса» в отношении героини и той реальности, в которой она живет, может заставить задуматься: кому и почему кажется? В случае с Леоновым это принципиальный момент. Он весьма ироничен и скептичен в отношении юного поколения максималистов: Поли, Сережи, не ведавших и не видевших того самого старого мира, против которого они произносят пламенные тирады. Ведь они родились и выросли уже после революции и во многом наивны, очень похожи на литературных героев-нигилистов, и не могут на равных спорить с более старшими оппонентами. Но именно юное поколение на фронте самоотверженно бросалось на амбразуру, не щадило жизни и вошло в историю знаменитыми подвигами. И Леонов очень четко это осознает, показывая выросших в новое советское время мальчиков и девочек, такими, какими они были до войны и то, как быстро они выросли, становясь героями, сами не считая свои поступки подвигами. Дух патриотизма, объединивший в военные годы страну, не только показан и передан писателем, но и пережит им. И объективная картина эпохи будет искажена, если изъять из рассказа о войне тот дух, который помог стране выстоять.

Возможно, кого-то и не удовлетворяет во всем леоновский роман, поскольку он объемный, многоплановый, охватывает огромные временные пласты, и без некоторых мелких героев-злодеев мог бы, возможно, и обойтись. Но нельзя отказать произведению в том, что оно в большей степени эпопея, нежели роман, местами неровный, но и золотых страниц в нем немало, чего стоит только встреча двух мальчишек со стариком Калиной у лесного родника или сцена рубки

старой огромной сосны! Или лекция Вихрова рассказывающая, словно лишь о русском лесе, но при том и об истории России и ее народа в целом.

Война в нем представлена отнюдь не только в ракурсе плакатного подвига. Юные герои уходят на фронт в решающий момент битвы за Москву. Размышления о том, почему враг так близко, даны не в прямой форме авторских рассуждений, а казалось бы в малых, незначительных эпизодах. Один из них становится объектом анализа, это эпизод со стариком, глядящим на отступающих солдат. Другой эпизод – первое, долгожданное письмо Родиона к Поле с фронта, полное горечи за бесконечные отступления. В нем рассказывается о маленькой девочке, подарившей ему, отступающему солдату, «покидающему ее на милость врага», букетик полевых цветов. Именно этот случай герой считает важнейшим в своем взрослении и становлении. Примечательно, что последний эпизод появился в 2012 году в демонстрационной версии ЕГЭ по русскому языку в части «С» как текст для анализа и написания сочинения. Факт более чем отрадненький: о Леонове в школьной программе предпочитают вовсе не вспоминать. В рамках обсуждаемой проблемы этот малый факт показывает, насколько подобные эпизоды у Леонова могут быть автономны по отношению к целому.

Не менее интересна ситуация с романом «Вор», где долгие годы лишь притча Пчхова о потерянном рае попадала в поле зрения исследователей в качестве вставной конструкции. Л. П. Якимова находит еще несколько. Одна из них – в рассказах Манюкина, притча об усмирении строптивого коня, появляется в произведении писателя не единожды. Л. П. Якимова анализирует ее, прослеживая генезис и эволюцию. Пьеса «Унтиловск», которая всегда находилась на периферии исследовательского внимания, также проанализирована в свете выявленных в ней вставных эпизодов. Л. П. Якимова нашла, образно говоря, показательную «единицу измерения», позволяющую уловить в плотной, насыщенной ткани леоновского текста «мерцающие маячки» философского содержания, тщательно расставленные писателем и совершенно необходимые для понимания замысла произведения в целом.

Анализ названных эпизодов показывает, что они, безусловно, доминируют над событийным планом. Они словно подсвечивают его, помогают его толковать. В них, в этих объемных капельках – маленьких притчевых историях, поверяются, отражаются события каждой повести, романа, пьесы. Они тот фокус, который задает угол зрения, собирает воедино вроде бы случайные разрозненные события и героев, иногда мало или вовсе не связанных сюже-

том. А если отвлечься и посмотреть на творческое наследие писателя «панорамно», целиком, то вдруг обнаруживается, что вводный эпизод чуть ли не доминанта всей поэтики, значение которой в позднем творчестве только нарастает. От небольших вставных рассказов в ранних повестях и пьесах писатель приходит к композиции «Пирамиды», полностью собранной из обстоятельных и порою очень пространственных вставных рассказов, своеобразных Апокалипсисов, где каждый герой излагает свою историю конца мира, будь то конец мира старой России (письмо и беседы о Матвее, монологи Вадима Лоскутова,) или гибель Земли (видения Дуни Лоскутовой в изложении Никанора), или другие вставки.

Отметим отдельно характерную особенность исследовательского метода Л. П. Якимовой – сосредоточение на самом тексте, доскональном и полном его анализе, в результате чего все ее выводы базируются именно на текстовых наблюдениях, на выявлении их регулярности, закономерности. Это заслуживает отдельного замечания. Дело в том, что леоновские тексты настолько сложны, многоплановы, многозначны, что порою легко заблудиться в лабиринтах расставленных самим писателем «западной», ловушек, принять отдельные слова или концепции за мнение, позицию, идеологию самого Леонова. Читающий постоянно и сознательно вовлекается автором в игру, становится «толкователем» его книг. Жаль только, что зачастую «толкователю», в отличие от самого Леонова, становится невозможно вместить в себя всю ту многополярность и многозначность смыслов, которые присущи его книгам и сделать вывод, встав выше, «над» единым соборным целым, обозрев весь лес леоновских смыслов в «аэропланном облёте», только в этом случае адекватный заданной полноте. Чаще всего рядовой «толкователь» видит отдельные деревья, не замечая леса, плутает в трех соснах, в лучшем случае описывая лес по отдельным его частям, набредая на солнечные поляны озарений.

Л. П. Якимова, написавшая книги, составляющие настоящую научную трилогию, сумела рассмотреть творчество писателя именно с высот птичьего полета, и этот полет чувствуется в самой манере изложения. Книга читается легко, она интересна, увлекательна и, по словам одного из ее прочитавших, искренне жаль, что она так быстро кончается... Но тем самым приоткрывает для каждого из нас перспективу перечитывания произведений Леонова, уже вооруженных техникой чтения и видения этого удивительного художественного мира с его многоцветием смыслов, неожиданных парадоксов и каверз, «загадок, забав и западной», после посещения которого неизбежно становишься чуточку мудрее.

Данные об авторе:

Наталья Алексеевна Непомнящих – кандидат филологических наук, Институт филологии СО РАН, старший научный сотрудник (Новосибирск).

Адрес: 630090 г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8, к. 227.

E-mail: motiv_ifl@ngs.ru.

About the author:

Natalia Alexeevna Nepomniaschih is a kandidat of Philology, a Leading Scientist of the Philology Research Institute of the Siberian Branch of Russian Academy of Science (Novosibirsk).